

ГЛАВА 29

Ее звали Наташа. Имя я узнал в среду от прыщавой официантки Полинки. Чувствовал я себя не важно, но ноги сами понесли в «Чистое небо». Я околачивался там со вторника все вечера следующей недели. Наташа не появлялась. Ни во вторник, ни в среду, ни в четверг. В пятницу я уже начал нервничать, понимая, что скорее всего, она появится, если появится, то в выходные. У Полинки я выспрашивать не стал, боясь возбудить ненужный интерес. В пятницу Наташа не появилась и я, разнервничавшись, крепко выпил в тот вечер. В субботу все повторилось – она не пришла, я снова набрался «отвертки». С утра воскресенья меня придавила жуткая депрессия. Я метался в мысленном тупике, пытаюсь понять, что со мной происходит. Было ощущение, что я нахожусь в жизненной клетке, стены которой медленно сжимаются. Я промучился такими мыслями до вечера и сбежал от них в «Чистое небо». Весь вечер я пил и курил, раздраемый злостью к окружающей действительности. Блондинку я уже не ждал. Мираж о ней растворился в алкоголе с горьким привкусом душевной пустоты. Я пробыл в клубе до самого закрытия. Последняя двойная «отвертка», девятая, оказалась лишней. Я перешел грань и к трем часам ночи оказался абсолютно пьяным. Еле стоя на ногах и почти вися на стойке, я что-то говорил одному из барменов, но чувствовал, как губы не слушались и слова не клеились. Я полумылчал. Мне стало стыдно, вдруг стало ужасно стыдно. Ведь меня тут все знали. Да, я выпивал и выпивал регулярно, но всегда уходил на своих ногах не более, чем навеселе и слегка покачиваясь. И вот напился. Я еле мог идти, меня мотало из стороны в сторону, спасали от падения лишь узкие стены грота. Я не мог связать двух слов, изо рта лилась лишь каша из звуков. Стыд слегка меня отрезвил. Я пошел на выход, стараясь держаться максимально ровно. Но дойдя до стула охранника у гардероба, рухнул задницей на него. Заведение закрывалось. Музыка стихла, посетители расходились, толпясь и галдя у гардероба в ожидании верхней одежды. Я продолжал сидеть и мутным взглядом наблюдать гардеробную суету. Мозг был на удивление чист – я все понимал, все слышал, все видел, но ощущал себя безвольной тряпкой. Мало-помалу суета схлынула, посетители разошлись. Время близилось к половине четвертого. Я продолжал бесцельно сидеть. Домой не хотелось совсем. Меня там никто не ждал. Меня нигде никто не ждал. Ком отчаяния начал подкатываться к горлу. Грудь сдавило. Я поднял голову и обомлел, желая сию же секунду провалиться под землю. Передо мною стояла Наташа. Она улыбалась, глаза ее блестели. Девушка с кем-то разговаривала справа от меня. Я скопил туда глаза. Артур. Он щерился ей масляными глазами. Наташа цвела в ответ. Она была в той же одежде – во всем, обтягивающем безупречную фигуру, светлом.

- Привет, - улыбнулась она мне и продолжила общение с Артуром. – Полинка тут?

- Да, тут еще, да иди, пройди к ней! – сказал Артур, и Наташа зацокала шпильками по плитке пола вглубь заведения.

Ком отчаяния внутри меня взорвался. Я несколько раз тяжело вздохнул, желая вернуть, сдавленное душевной болью, нормальное дыхание. Не помогало. Меня давило изнутри все сильнее, я начал задыхаться. Дикая волна жалости к себе захлестнула меня. На глазах навернулись слезы. Я задышал сильнее, изо всех сил сдерживая их. Слезы замерли на глазах, да так и остались. Я не моргал, боясь обронить хоть одну слезу на пол, и чтобы кто-то увидел это. Я наклонил голову пониже, будто сию секунду совсем пьяный. Я просто не хотел, чтоб кто-то видел мое лицо. Мне было плохо, нестерпимо плохо. Я был никому не ну-

жен. Даже этой дуре Лиле я был не нужен. Я сидел на стуле совершенно одинокий, пьяный и несчастный. Перед лицом стоял образ Наташи. Она улыбалась. Улыбалась солнечно и прекрасно. Девушка была идеальна. Она стояла в мозгу так близко и была абсолютно недосыгаема. Вторая волна отчаяния и саможалости накатила на меня изнутри. Я вновь задышал часто, сжал зубы. Слезы брызнули из глаз, я незаметно их вытер.

« У тебя никогда... никогда не будет такой девушки!» - отчетливо произнес мой внутренний голос. И я, словно обреченный на вечное полупьяное прозябание в одиночестве, встал и незаметно для всех вышел прочь.

Я не стал звонить Вадику, не пошел к гостинице, срезал путь мимо кинотеатра и специально пошел через безлюдный ночной парк. Слезы вновь приближались. Я не стал их сдерживать. Они брызнули, я заплакал навзрыд. Меня никто не видел. Я шел и плакал. Через пять минут мне стало намного легче. Я пошел дальше, через полчаса наполовину протрезвел, поймал случайную машину и оказался дома. Я тихо вошел в квартиру. Родители спали. Я разделся до трусов и замер в коридоре перед большим зеркалом, посмотрел на свое отражение пристально. На меня из зеркала смотрел малоприятный персонаж. Неплохо сложенный, довольно симпатичный, высокий молодой человек. Но, с уже заметными признаками деградации. Чуть сутулое тело отдавало дряблостью, живот не выпячивался, а уже чуть свисал складкой над трусами, мятое лицо с отекающей одутловатой кожей нездорового желтого цвета выглядело ущербно. Глаза смотрели грустно и безнадежно взглядом загнанного и не видящего выход зверя, смирившегося со своей участью. Я глядел себе в глаза и тяжело дышал. Сердце стучало гулко, отдавая алкоголем в виски. Я сосредоточился на глазах, стараясь разглядеть радужную оболочку и нырнуть взглядом внутрь. «Еще живые», - пронеслось в моей голове. Да, живые. Я смотрел в свои глаза и видел в них огонек жизни. Он не погас, нет! Он еле тлел, но был жив. Я продолжал смотреть на себя. Спазм дернул желудок, тихая ноющая боль превратилась в острую и нарастающую. Я сжал мышцы пресса, боль не ушла, а лишь раздраженно выросла. Я нажал пальцами в район солнечного сплетения, пытаюсь нащупать хорошо знакомое место, как кнопку, которая отключает боль. Пальцы в глубине уперлись в напряженный спазм пищевода. Я надавил сильнее – боль резко усилилась. Я сжал зубы, закипая злостью сам на себя. Надавил пальцами сильнее – боль отозвалась ростом. Желудок резало, внутри меня все заликовало садистской ненавистью к себе же. «Мучайся!», - сказал я мысленно себе и ударил в то место кулаком. Боль всплеснула в ответ. Я сильнее сжал зубы и сильнее ударил. Желудок начало дергать. Еще удар! Еще! Еще! Желудок беспорядочно задергался спазмами боли, словно меня резали изнутри. Я смотрел на себя и кипел злостью. Тошнота медленно подкатила к горлу. Я зашел в туалет, стал на колени. Из желудка поднялась волна и фонтаном через рот ударила в унитаз. Я вздохнул облегченно. Но тут же второй сильнейший спазм дернул желудок снизу, словно затвор – жидкость ударила снизу через рот и нос в унитаз. Еще спазм, результат почти такой же, но чуть слабее. Затишье. По рукам и ногам ударила слабость. Лоб и спину прошиб пот. Следующие три спазма случились по затухающей, больше мучая меня, нежели извлекая жидкость из безжизненного желудка. Затишье. Я сплюнул. Вытер слезы с глаз. Желудок дернулся последний раз и затих. Я снова сплюнул, вытер рот туалетной бумагой. Тело ослабло и не слушалось. Я разглядел в унитазе снова несколько капель крови. Безразлично отвернулся и дернул за рычаг, смыл унитаз. Еле подняв руку и ухватившись за ручку двери, я с трудом встал на ноги и, качаясь, вышел в коридор. В зеркале вновь показался

тот же измученный жизнью и желудком тип. Глядя на свое отражение, я понял, что не хочу жить. Апатия и безразличие заполнили меня. Режущая боль желудка так долго сопровождала меня, что мне казалось, будто я с ней родился. «Ты говно», - пронеслось снова в моей голове. Я вдруг отчетливо понял, что сию секунду нахожусь в той самой точке начала деградации, за которой нет возврата. Точка не возвра-та. Еще маленький шажок, один маленький шажок и все – я скользну вниз на дно жизни, как по ледяной горке. Дикий страх тут же схватил меня со спины, проникнув снизу вверх ледяным холодом по позвоночнику. Я застыл в оцепенении. И в груди моей истерично забился слабый человек, который хотел жить, который задыхался, словно уже лежал в тесном гробу и сверху жизнь вот-вот начнет забрасывать его землей. Сначала он истерил, после закипел злостью и решил бороться. «Все, закончил с этим, не будь говном, борись!» - сказал я мысленно отражению. Я прислушался к желудку, тот замер в подозрительном спокойствии, словно отключился. Болей не было. Я почти протрезвел. Меня колотил мелкий озноб, кружилась голова, слабость оплела тело. Шатаюсь, я выключил свет, лег в кровать, поджал ноги и свернулся калачиком – отгородился от внешнего мира мысленным коконом и отключился в забыты. Кокон стал греть меня изнутри. Я провалился в безмятежный сон, в котором видел себя здоровым, без живота, подкаченным, с открытой доброй улыбкой, прекрасно выглядящим и давно забывшим, что такое любая боль – я смотрел на окружающий мир и будто парил над ним.

Утром воскресенья я не смог встать с кровати. Я попробовал, но не смог. Тело словно обессилило за ночь, желудок болел и ныл. Я пошарил рукой подле кровати, наткнулся пальцами на бутылку минеральной воды и сделал несколько больших глотков. Вода потекла в желудок и резанула его в нескольких местах, усилив боль. Я снова закрыл глаза и пролежал так на кровати с полчаса. Надо было идти в ванную. Я собрался с силами, встал и, шатаюсь, скрюченный пошел в ванну.

- Что случилось? – взволновалась мать, встретившись со мной в коридоре.

- Желудок... - тихо промямлил я.

- Опять!? – недовольно взвилась та.

Я промолчал, глянул на мать и зашел в ванную комнату.

- Жрешь что попало, вот он у тебя и болит постоянно! – выдала мать в спину. – Что один мучился с желудком, что этот теперь! Боже, как мне все это осточертело просто!

Я закрыл за собой дверь, экономя ничтожные силы и не желая никак реагировать, встал под душ. Горячие струи приятно упали на спину и затылок, потекли вниз. Я покачнулся, успев ухватиться за стену. Желудок дергало спазмами. Я настолько ослаб, что даже мочалкой с трудом водил по телу. Сердце гулко стучало в висках. Через полчаса я вышел из ванной, мать стояла в коридоре и обеспокоенно смотрела на меня.

- Болит? – спросила она сочувственно.

- Да, мам, болит, - буркнул я и поплелся в кровать.

- Тебе надо обследоваться, - сказала она, идя следом.

- Да, надо, - механически произнес я, не имея сил даже обдумывать другой ответ.

Я лег в кровать. Пока я двигался, желудок резало, и начало дергать тупой болью, когда лег. В двери комнаты появился отец.

- Желудок? – лаконично строго произнес он. – Болит?

- Да конечно желудок! – выпалила мать, всплеснув руками. – Ест, что попало! Я ему давно говорила! Уже устала одно и то же говорить! Не слушает же! Вот! Пожалуйста! Допрыгался! Заработал язву или что там! Мать не слушает – вот результат!

Она шумела, я бессильно морщился – сил возражать не было. Отец подошел ближе, оценил мое состояние опытным взглядом, разочарованно цыкнул: «Надо лечиться...»

- Да, надо, - кивнул я, вытирая незаметно пот со лба, выступивший от слабости. – Па, купи минералки и этот сироп с обезболивающим...

- Опять минералка! Какая минералка!? Ты что, ей лечиться, что ли собрался!? – завопила вновь мать.

Я закрыл глаза.

- Так, ладно, я за лекарствами, сейчас все принесу, - сказал отец и засобирился.

- Может, тебе кашки манной сварить? – тихо спросила мать.

- Да, ма... свари... - сказал с усилием я.

- Толь, и молока купи два пакета! – крикнула мать в коридор. – Я Ромке кашу варить буду сейчас!

- Хорошо, куплю, - раздалось недовольно в ответ, дверь хлопнула, отец ушел.

- Ох, сынок, сынок! – вздохнула мать и пошла на кухню.

Через час я уже осторожно ел горячую кашу. Мать принесла тарелку к кровати. Желудок занял сильнее, но после первых ложек утих. Тарелка каши вошла с трудом. Есть не хотелось совсем.

- Надо, надо, ешь! – настаивала мать. – Ешь всю!

- Знаю, ма... я ем, - вяло бурчал я и толкал в себя кашу, закончив, вернул тарелку.

- Все!? – сказала мать.

- Да, все, спасибо, ма, полежу теперь, отдохну, - сказал я, чувствуя, что силы иссякли, откинулся на подушку.

Мать вышла из комнаты. Следующие полчаса я боролся с легкой изжогой, слыша сквозь дрему, как родители ругались и перешептывались на кухне на повышенных тонах обо мне. Время замедлилось. Словно жизненное колесо, в котором я барахтался без устали, вдруг заклинило, и меня швырнуло об его стенки со всего маху. К вечеру я понял, что о выходе на работу не стоит даже и думать – я еле перемещался скрюченный по квартире, обессилено отдуваясь после каждой пары десятков шагов. Я позвонил Сергею и сказал, что неделю поболею дома.

- Хорошо, Роман! – бодро ответил Сергей. – Давай, лечись! Мы тут с Верком повоем за троих, не переживай!

Дни потянулись однообразно. Мать суежилась подле меня наседкой. Ведомая материнским инстинктом, она словно вышла из своего состояния анабиоза и хлопотала на кухне, бесперебойно откармливая меня диетической едой. Организм замер в точке шаткого равновесия. Желудок болел по-прежнему, но с каждым утром все меньше. Хотя, к ночи его регулярно прихватывало, боли обострялись после полуночи, не давая мне спать. Я их терпел. Странное поведение. Я сам себе не мог его объяснить. Злость на себя – вот, что являлось причиной. Каждую ночь я ненавидел себя за все прошлое. За все свои слабости. За начавшуюся деградицию. Именно слабость бесила больше всего. Она представлялась мне чем-то вязким, будто киселем. И я барахтался в нем все меньше, не желая тратить силы на преодоление жизненных обстоятельств и трудностей. И это бесило дико. «Слабак, слюнтяй, чмо, лох, говно», - называл я себя мысленно по-всякому, лишь бы вызвать со-

противление собственной бесхребетности. Я не хотел пасовать перед жизнью. За нее надо бороться. Я накручивал себя мысленно, пытаюсь раздуть в себе тот самый огонек жизни. Время шло уныло – мать хлопотала, пичкая меня каждый час едой, отец, по первому ее требованию, ходил в магазин и возвращался с нужными продуктами. Я начал быстро восстанавливаться. К третьему дню у меня появился устойчивый аппетит, но я все еще был слаб, сильно похудел, и постоянно кружилась голова. Желудок вел себя странно, днем практически не болел, а к ночи начинались боли, усиливавшиеся после полуночи и державшие меня в мучительном напряжении до трех или четырех часов утра. И так каждые сутки – чем лучше я чувствовал себя днем, тем хуже ночью. Лекарства не помогали, обезболивающие микстуры тоже. Я пил их ложками, но эффект словно не действовал ночью – на десять минут боль стихала и тут же возвращалась нестерпимой резью. Родители засыпали в своих комнатах, дом затихал, а я сворачивался калачиком под одеялом, зажимал желудок пальцами и терпел. Боль была нестерпимая, желудок сначала ныл, потом отдавал резью, а после начинал дергать мышечными спазмами. Время ночью замедлялось практически до полной остановки, я будто даже чувствовал, как оно продвигалось вперед скудными каплями метронома – кап, кап, кап... К концу ночи боли вдруг пропадали и я засыпал мгновенно, измученно проваливаясь в забытие.

- Тебе надо обследоваться, - с серьезным лицом сказал отец.

- Зачем? – сказал я. – Я и так знаю, что у меня язва. Ничего нового мне врач не скажет. Нужно просто нормально питаться и все...

- Ну так питайся! – Не выдержал отец, замахав рукой, как саблей. – Сколько раз тебе говорить! Сам знаешь, что нужно делать и ничего не делаешь, жрешь что попало, а потом лежишь скрюченный!

Я промолчал, отец вышел из комнаты. Вошла мать, принесла кашу.

- Держи, осторожно, горячо, - сказала она, тяжело вздохнула и села рядом.

- Спасибо, мам... - буркнул я и уселся на кровати.

- Кушай, кушай, сынок, поправляйся, - вздохнула вновь та. – Главное, чтоб у тебя ничего не болело. Для матери это самое главное, чтоб ее ребенок был здоров...

- Надо будет, наверное, и вправду сходить и проглотить этот шланг, сделать гастроскопию, - сказал я, покончив с кашей.

- Надо, надо, сынок! – горячо поддержала мать. – Сходи обязательно!

- Ма, да я пока так себя плохо чувствую... слабость... я по квартире то еле-еле хожу, а до поликлиники точно не дойду, - улыбнулся болезненно я и откинулся на подушку.

- Давай, я с тобой схожу! – с готовностью предложила мать. – Возьмем и вместе сходим! Обследоваться тебе надо обязательно, мне это не нравится, что ты лежишь тут зеленый, а я переживаю!

- Как будто мне нравится... - ухмыльнулся я криво и слабо. – Сходим...

- Когда?

- Ма, через пару дней, я отлежусь немного, и сходим, хорошо?

- Хорошо, все, договорились! Это когда, получается, в пятницу?

- Да, в пятницу...

- Все! В пятницу идем! Отдыхай, сынок, поправляйся, выздоравливай! – мать довольная энергично встала и вышла из комнаты.

К пятнице за два дня мое состояние не улучшилось, а вроде как даже чуть ухудшилось. Я соблюдал постельный режим, правильно и вовремя питался, пил лекарства. Днев-

ные боли уменьшились, а ночные усилились. В пятницу около полудня я и мать пошли в поликлинику. Желудок начал ныть, недовольно отзываясь на любые движения моего тела. Я оказался на улице впервые за целую неделю, голова слегка кружилась. Мать поддерживала меня под руку. Желудок занял сильнее.

- Добрый день, как нам пройти гастроскопию? – выдавил я из себя у окошка регистратуры, улыбкой преодолевая боль.

Женщина по ту сторону сказала, что надо оплатить процедуру и завтра с утра натошак можно ее пройти. Я прошел, вернее вяло как старик прошаркал через весь вестибюль поликлиники к кассе, заплатил деньги и записался на утро субботы.

- Во сколько? – поинтересовалась мать.

- Завтра в десять. Натощак... - буркнул я, нервно сжимая и разжимая руки от неутраченной боли. – Пошли домой, ма, надо мне полежать...

- Пошли, сынок, пошли! – засуетилась она, поддерживая меня под руку и всматриваясь тревожно в лицо. – Ты ужасно бледный!

- Ничего, отлежусь, оклемаюсь...

За полчаса мы доковыляли до дома. Я с невероятным облегчением лег в кровать, но радость тут же улетучилась – желудок грыз меня изнутри. Остаток дня я промучился, в ночь получил очередное обострение, пролежал скрюченный до пяти утра и обессиленный уснул. В восемь глаза открылись сами. Уже не спалось. Желудок сосал и скреб внутри, требуя пищи, я заливал его минералкой, пытаюсь обмануть. Мы вышли с матерью из дома в девять и поковыляли в сторону поликлиники. Я чувствовал себя еще слабее, голова кружилась, тело не слушалось и тряслось мелкой дрожью.

- Выпейте вот это, - протянул мне врач металлический стаканчик. – Минут через десять желудок занемет и приступим...

Я выпил жидкость, та потекла вниз, обволакивая изнутри пищевод. Через десять минут я его уже не чувствовал.

- Ложитесь на левый бок, поджимайте ноги поближе к груди и не распрямляйте их, дышите носом, - произнес врач спокойным голосом нужные фразы, держа в руках длинную черную змею-шланг с тяжелой продолговатой головкой.

Через несколько секунд я почувствовал, как ловким движением врач протолкнул змею мне в глотку и та пошла дальше вглубь. Захотелось воздуха, я решил вздохнуть, но тут же сообразил, что рот занят. Легким холодком паника подобралась по позвоночнику в мозг. Я, помня указания, задышал носом, время словно остановилось. Змея пролезла глубже, шевелясь уже в желудке. Я задышал чаще, мелкими урывками, воздуха не хватало. Ноги чуть дернулись в желании распрямиться, но тут же сжался желудок. Я вернул ноги обратно в согнутое положение. Задышал чаще. Шланг завращался и ткнулся куда-то дальше, уперся в стенку желудка. Воздуха не хватало, я стал задыхаться, задвигал руками, не находя им места. Запаниковал. Попытался дышать ртом, мешал шланг. Воздух кончился. Я дернулся, желая схватить руками шланг и выдернуть его прочь, но врач опередил меня на долю секунды, вмиг освободив мою глотку. Я тут же хватанул ртом живительный воздух, устремившийся мне в легкие. Отдышался.

- Все, можете вставать, - флегматично произнес врач, вытер руки полотенцем, отдал шланг медсестре, сел за стол и принялся писать.

- И как там у меня дела? – произнес я, надевая ботинки и вытирая рот.

- Дела неважные... - сказал врач, - у вас операционный случай. Язва.

- То, что язва, я знаю... - вздохнул я, обувшись.

Врач продолжал молча писать.

- А что, без операции никак? – сказал я, сникнув в душе и как раз достигнув состояния полнейшего безразличия к собственной судьбе.

Врач писал, размашисто и поспешно заполнял бланк, закончив, посмотрел на меня.

- У вас язва сразу на входе в двенадцатиперстную кишку. В очень нехорошем месте. Когда она воспаляется, то перекрывает проход, и еда не может пройти дальше по пищеводу. Я сейчас не смог аппаратом пройти дальше, язва не пустила...

- И что это значит?

- Это значит, что нужна операция! – развел руками врач.

- И если сделать операцию, то все пройдет? Какие шансы?

- Шансы пятьдесят на пятьдесят, - чуть помедлив, произнес врач и возобновил писанину. – Вы или забудете, что такое проблемы с желудком раз и навсегда или всю жизнь будете питаться жидкой пищей через трубочку!

Меня передернуло. Я представил себя, сидящего одного в комнате на кровати и рядом мать, кормящую меня специально приготовленной едой. И так до конца жизни. Бррр!

- Доктор, ну, вы мне просто скажите... не как доктор, а по-человечески... - сказал я, смотря врачу в глаза. – Мне нужна эта операция или нет? Или у меня может так все пройти, если я стану нормально питаться?

Врач закончил писать, оторвался от стола, вздохнул и закрутил меж пальцев ручку.

- Идите домой, не нужна вам эта операция, питайтесь нормально... диетическое питание, режим и не нервничать... язвы возникают и от нервов тоже! – сказал тот, протянул мне заключение. – Будьте здоровы!

Я поблагодарил врача и вышел из кабинета.

- Ну, что там!? – тут же надела с расспросом мать.

- Язва, - протянул я ей бумажку.

Мать пробежала глазами по строчкам: «Язва двенадцатиперстной кишки... вот! Допрыгался! Вот тебе и результат – язва! Ох, как вы мне надоели оба! Что один всю жизнь промучился с этой язвой, что второй теперь! Весь зеленый... пошли домой, надо покушать, а то голодный, с самого утра ничего не ел!

Я промолчал, сберегая силы. Настроение сразу улучшилось, будто приговоренному к расстрелу отменили казнь. Мы дошаркали домой, мать сварила кашу, я ее съел и лег спать. День я промаялся с легкими болями. Плановое обострение началось к полуночи. Я выпил лекарства, но почему-то именно эту ночную они не брали боль вообще.

Рези начались еще с десяти вечера. Я лег привычно – на бок, поджав ноги и уперев пальцы в солнечное сплетение. Пережатый желудок болел в таком положении вполностью меньше, но стоило ослабить нажатие пальцев, как рези тут же усиливались. Нервы, натянутые и так от постоянных болей, обострили свою чувствительность до предела. Резь усиливалась и к полуночи перешла в невыносимую. Такую сильную, какую я не испытывал никогда в жизни. Желудок начал гореть изнутри и его задергало спазмами. Рывки отдавали в нервы, заставляя непроизвольно дергаться ноги. Их движение хоть как-то отгоняло мысли от язвы и обманчиво ослабляло боль. Родители спали. В квартире стояла полная темнота и тишина. Я привычно остался один на один на всю ночь со своей болью. Время начало замедляться. Я думал о спасительном утре, когда боль, опять же по обыкновению, пройдет резко и разом, и я усну. Но чем больше я так думал, тем медленнее шел отсчет

времени. Метроном в голове замедлял ход и ронял капли времени все реже – кап, кап..., кап..., кап..., кап..... Секунды словно падали на самую раскаленную язву, заставляя ее вспыхивать болью все сильнее. Я лежал, стиснув зубы, в голове возникали разные мысли. Я начал, в который бессчетный раз, злиться на себя и думать, что мое теперешнее состояние, есть справедливая кара за мой образ жизни. Я не жалел себя физически и не хотел жалеть морально. Не придумывал успокаивающих и жалостливых мыслей. Я смотрел на ситуацию в лоб, давя зашевелившиеся зачатки жалости к себе в зародыше. Я сам вынес себе приговор – «виновен», и намерен был привести его в исполнение. «Никаких лекарств всю ночь, буду лежать так и терпеть», - решил я и стиснул зубы сильнее.

«По сути, твоя жизнь – говно... – разговаривал я мысленно сам с собой, - посмотри на себя, тебе двадцать восемь лет, нет жены, нет детей, нет квартиры, нет машины, нет нормальных отношений с родителями, нет здоровья, нет...»

Я периодически проваливался в забытие. Или мне так казалось. Боль довела мозг и нервы до иступления. Какие-то мысли кружились в голове, но я их уже не осознавал. Час ночи, два, три – я лежал в темноте, смирившийся с любым дальнейшим продолжением моей жизни. Все стало абсолютно неважным, безразличие полностью парализовало меня. Осознание собственной никчемности вдруг стало столь гнетущим и тяжелым, что я заплакал. Тихо, стараясь, чтоб никто не услышал мои всхлипы. Слезы потекли на подушку. Кажется, стало легче? Да нет, боль не унималась. Она жгла меня изнутри, плавая через раскаленные нервы все тело. Боль достигла апогея и...

Я выключился.

Провалился в забытие. Точно не помню, но кажется, я потерял сознание. Оно словно обнулилось. Какие-то картинки всполохами полетели сквозь мое сознание ниоткуда и в никуда. Они возникали и тут же растворялись. Что за картинки? И там был я. Я видел себя в них. Они казались мне знакомыми, будто я видел их раньше и видел себя там раньше. Или должен был быть там позже. Со скоростью киноленты мелькали картинки в моем потухшем сознании, картинки абсолютно точно мне знакомые, но картинки, в которых я еще не был...

Я включился.

Именно так, именно включился. Никакое другое слово здесь не подходило. Боль ушла. Тело расслабилось полностью. Я вытянул ноги и распрямился полностью, получив несказанное наслаждение. Желудок не реагировал. «Язва закрылась», - понял я и тут же вспомнил про мгновение с летящими в мозгу картинками. Если и существует какая-то наименьшая единица измерения времени – миг – то действие с картинками длилось именно самый короткий миг. Будто вспышка. Выключение – вспышка – картинки – включение. Я лежал и думал о случившемся. Случилось важное. Я не понимал всей важности случившегося, но четко ощущал одно – чья-то невидимая рука отсекала одним движением прошлое и положила в мое сознание книгу будущего. Чистую книгу. Без единой записи.

Я закрыл глаза и впервые за все эти дни уснул здоровым сном.

- Сынок, как ты себя чувствуешь? – услышал я голос матери, едва открыв глаза. Она стояла подле моей кровати, чуть подавшись вперед, нервно переминая одну руку в другой, и с состраданием вглядывалась в мое лицо.

- Ничего не болит, мам, - улыбнулся я. – Есть хочется.

- Кашки будешь!? – встрепенулась мать, обрадовано засуетилась. – Будешь!? Сейчас принесу! Я полчаса назад уже ее сварила! Сейчас!

Мать юркнула на кухню и засуетилась там. Я аккуратно, стараясь не скручивать тело, подтянулся на руках и сел на кровати.

- Как ты себя чувствуешь? Получше? – вошел отец и остановился посреди комнаты, сдвинув строго брови.

- Да, нормально, намного лучше, - кивнул я.

- Не болит желудок?

- Вроде не болит.

- Ну, хорошо, - отец заскреб в затылке пальцем и вышел из комнаты на кухню.

- Да что ты путаешься под ногами! – донеслось из коридора, мать спешила ко мне с тарелкой каши. – Осторожно, сынок, горячо!

Следующие полчаса я с аппетитом жевал кашу, мать сидела рядышком на кровати, нервно улыбалась и поглаживала мою ногу поверх одеяла.

- Ничего, сынок, поправишься, выздоровеешь! Дай Бог, все будет хорошо! – приговаривала она, повторяя слова, будто мантру.

- Да, мам, уже лучше, - успокаивал я ее. – Я думаю, все уже прошло, обострение прошло, язва закрылась...

- Ну, дай Бог, сынок... дай Бог, чтоб все было хорошо! Ты только кушай хорошо, ладно!? – посмотрела на меня мать жалостливо и вдруг, не выдержав, расплакалась.

- Мам, да ты чего!? – опешил я, взял ее инстинктивно за руку.

- Болит у тебя, сынок... - сквозь всхлипы еле выдавила мать. – И у меня болит...

- Мам, ну что ты? – не знал я, какие слова подобрать. – Все уже хорошо... Не болит у меня же... все хорошо... не плачь...

Я гладил мать по руке, не зная, куда провалиться от стыда. Грудь заныла чувством вины за слезы матери.

- Да ну тебя... - еле выдавила из себя она, утерла лицо, сделала над собой усилие и перестала плакать. – Все, покушал?

- Да, мам, все, - протянул я ей пустую тарелку.

- Ну, все, молодец, - шмыгнула носом мать. – Скажешь тогда, когда еще захочешь кушать, хорошо?

- Да, хорошо, мам, спасибо, - кивнул я.

- Ну, все, отдыхай, отдыхай, - мать поправила мое одеяло и вышла из комнаты.

Я резко пошел на поправку. Боли прекратились вовсе. Появился здоровый аппетит. Увидев себя в воскресенье вечером в зеркало, я ужаснулся – на меня смотрело тощее тело, потерявшее около восьми килограмм за неделю.

- Алло, привет, ну, ты как там? – раздался в мобильнике голос Веры в полдень понедельника второй недели. Я лежал в кровати и читал какую-то книжку из тех домашних книг, что были прочитаны ранее и не по одному разу.

- Привет, Вер! – выпалил я радостно. – Да ничего, потихоньку, спасибо! Выздоровливаю, сижу тут на кашах, откармливают меня! Как вы там, работаете!?

- Да, трудимся тут по-маленьку! – звонко и бойко продолжала та. – Петю отправили уже в первый рейс, второй – уже набили товар... так что, все нормально... ты когда планируешь появиться?

- Вер, я думаю, эту неделю еще дома побуду, отлежусь, а то у меня только пару дней назад болеть перестало, - сказал я, сидя в кровати с телефоном. – А с понедельника следующего тогда и выйду...

- Ну, понятно, - сказала деликатно Вера. – Выздоровливай тогда, приходи, как сможешь, мы пока сами справляемся... дать тебе Серегу?

- Да, давай! – расплылся я в улыбке. – Поболтаю с ним!

- Привет, Ромыч! – раздался бодрый голос напарника в трубке. – Как ты там!?

- Привет, Серый! – Выпалил я, еще больше непроизвольно растягивая улыбку, радуясь общению с напарником. – Да нормально я! Иду на поправку, со следующей недели уже вернусь в строй! Че там вы, как!? Петя уехал в первый рейс!?

- Да нормально все! – добродушно выдал Сергей. – Можешь не беспокоиться, лечись там спокойно, мы с Верой все сделаем тут вдвоем!

- Слушай, ты заказ сделал в Москву на парфюмерию!? – спросил я, не заметив, как мозг из режима отдыха автоматически переключился в рабочий.

- Не, пока не делал!

- А на складе есть остатки еще товара?

- Ну так... - засопел Сергей в трубку, задвигавшись в кресле. – Есть немного, но ходовые позиций уже ушли все давно... Да че ты переживаешь! Выйдешь на работу, сядем и сделаем заказ вместе! Это делается за пять минут!

- Да я просто подумал, раз товар уже нужен, то чего ждать то? Прикинь, неделю сидеть без товара, а то закажешь, привезешь и будешь уже продавать!?! А то еще кто-нибудь привезет вместо нас его сдуру...

- Ромыч, да никто его не привезет! А если и привезет, то что!? «Темп» и «Оптторг» берут только у нас этот товар, а в «Форте», если и привезет кто, Катюха скажет...

- Ну, это да... - согласился я с доводами.

- Так что ты не парься! – энергично продолжил Сергей. – Лечись! Выздоровливай! Выйдешь на работу, сядем с тобой, сделаем сразу же заказ... тем более, че я один его буду делать, когда мы же работаем вместе!?! Одна голова хорошо, а две лучше! Так что, Ромыч, все мы сделаем!

- Ладно, Серый, уговорил! – улыбнулся я, и мозг вернулся в режим отдыха.

- Ну вот! – гоготнул напарник в трубку. – Давай, выздоравливай!

- Спасибо, Серый, пока, до связи!

- Пока.

К вечеру вторника я чувствовал себя еще лучше. С удивлением обнаружил, что не курю уже больше недели, и совсем не тянет.

- Брошу курить, - сказал я матери, когда та в очередной раз присела на мою кровать с тарелкой куриного супа. – Надоело... не хочу...

- И правильно, сынок, бросай, такая гадость эти сигареты! И мне бросать надо! Ты ешь, ешь! Кушай, давай! Тебе есть надо хорошо, а то, вон, какой худой стал!

Время текло медленно – я ел, читал и спал. В голову лезли разные мысли. И все больше какие-то новые, совсем мне непонятные, будто четко еще не оформившиеся в голове, но зародившиеся и растущие в ней.

- Ма, я пойду, прогуляюсь, - сказал я в среду, позавтракав второй раз около полудня необыкновенно вкусным и питательным куриным бульоном.

- Иди, сынок, сходи, ты как себя чувствуешь? – уточнила заботливо мать.

- Мам, да все хорошо, пойду, подышу воздухом...

- Сходи, сходи...

Я осторожно оделся, словно тяжелораненый, идущий на поправку, и вышел на улицу. Свежий прохладный воздух пахнул мне в лицо – ощущалась близость зимы. Первого снега еще не случилось, природа доживала последние бесснежные деньки. Я натянул шапку, поднял воротник черного пальто и зашагал по дорожке в сторону торгового центра, с удовольствием оставшись наедине с собственными мыслями. Я так ослаб за время болезни, что шел с усилием, почти сразу тяжело задышав. Прогулка возвращала меня к жизни. Я шагал и думал. Несмотря на прохладный ветер, мне было уютно и спокойно. Вдруг поймал себя на мысли, что моя болезнь поспособствовала частичному возврату нашей прежней семьи, сплотила ее. Мать, забыв о своих настроениях, устремилась на помощь и целыми днями заботилась обо мне, быстро поставив на ноги. Отец со свойственной ему сдержанностью и сухостью тоже не оставался безучастным – по первому требованию матери отправляясь в аптеку или магазин. Родители словно объявили некое перемирие, забыли о предыдущих взаимных обидах и претензиях. Я подошел к торговому центру, уже слегка уставший и продрогший. Вошел внутрь. Люди сновали туда-сюда, перемещаясь на эскалаторах между тремя этажами центра, создавая атмосферу радостной суеты. То, что было мне нужно. Я сразу почувствовал себя уютнее. Мне нужна была радость, позитив, эмоции. Я поднялся на эскалаторе на третий этаж. Книжный магазин. Ноги сами понесли меня к нему. Я зашел внутрь. Книжки, полки уставленные ими сплошь. Книжный запах, тишина, умиротворение. Я заскользил взглядом по названиям, больше автоматически, чем вдумчиво. Мысли были заняты чем-то другим, неосознанным. Я искал книгу, понятия не имея какую. Я искал ее не глазами, а наитием. Нашел. Взял книгу в руки. Раскрыл ее. В стихах... Хм. Пробежал глазами несколько строк. Интересно. Читалось легко. Я купил ее. В душе тут же поселилась радость, та самая, как и у любого, кто совершил верное действие. Я понял, что купил именно то, за чем шел! Улыбаясь покупке, я спустился на эскалаторе, вышел на улицу и, глубоко вдыхая свежий воздух, радостно пошел домой, с полным осознанием того, что самое важное дело дня сделано. И позже, уже дома, вернувшись в кровать, поев и отдохнув от прогулки, я раскрыл книгу и принялся читать:

1. Земную жизнь пройдя до половины, ¹⁻¹

Я очутился в сумрачном лесу,

Утратив правый путь во тьме долины.

Телефон, который я купил для общения с Лилей, стал жечь мне руки. Я не мог его ни держать, ни видеть. Но, привыкнув к новому виду связи, отказываться от него уже не хотел. В одну из очередных прогулок я купил новый. Черный аккуратный телефон, очень ловко и приятно помещавшийся в ладони. «7600», - прочитал я на ценнике и оплатил покупку. Предыдущий телефон я закинул в самый дальний угол в стол, забрался в кровать и удовлетворенно продолжил чтение.

- О! Какие люди! – расплылась в улыбке Вера, войдя в офис и увидев меня в понедельник 28 ноября на привычном месте в кресле за столом. – Привет! Выздоровел!?

- Да! – заулыбался в ответ я и выставил вперед ладонь для ритуального приветствия, Вера тут же звонко хлопнула по ней своей ладошкой. – Выздоровел! Привет, Серый!

Вошедший следом напарник, наигранно нахмурил брови и покачал головой, увидев наш ритуал, протянул мне руку. Я пожал ее.

- Выздоровел? – оставил наигранные серьезные нотки в голосе он.

- Как новенький! – развел руками я, плывя в улыбке.

- Отдохнул заодно, да!? – сказала Вера, включая компьютер. – Какие новости, рассказывай!? Или пролежал все дни дома?

- Сначала лежал, потом оклемался! – пожал плечами я, вдруг вспомнил. – Курить бросил! Во! Прикинь!?

- Да ты чё!!!??? – выпалил Сергей тут же, усевшись в кресло у двери, скрестив привычно руки на груди и дернув удивленно головой вбок.

- Ого! Поздравляю! – произнесла Вера.

- Две недели уже не курю! – закивал я.

- И не тянет? – уточнила Вера.

- Неа! – замотал головой я. – Ну так... не тянет, в принципе, но иногда такие мысли проскакивают, но я их сразу отгоняю подальше...

- А я тоже как-то сразу бросил! – сказал Сергей. – Как и ты, решил и бросил. И, прикинь, - Сергей поднял вверх многозначительно указательный палец, - один из всей нашей компании бросил, все курили, а я бросил!

- Да у меня тоже все кругом курят. Отец курит, мать курит, а меня что-то дико задолбали эти сигареты! И я решил перестать курить, не бросить, кстати, а перестать! – я поднял указательный палец вверх для значимости слов. – Обычно же как, все «бросают»!? Раз бросаешь, то получается, от чего-то отказываешься, ну, типа, теряешь, и становится жалко потери! А надо «перестать» курить! Ну, типа, курил и просто перестал, ну, не захотел дальше курить и все! И тогда не хочется, психологически, я имею в виду! Вроде как сам решил не курить, просто решил и все!

- Блин, Роман, начал свое философствование! – хмыкнул Сергей, сдержал улыбку жеванием нижней губы и закинул ногу на ногу.

«Тын-дын!» - звякнуло в кармане моих джинсов, я сунул туда руку и выудил новый телефон, начал тыкать в кнопки, чтобы просмотреть пришедшее сообщение.

- Телефон что ли купил!? – среагировал Сергей.

- Да, купил, пока лечился! – кивнул я. – Что-то мне все больше нравится эта ваша GSM-связь! И дешевле и эсэмески есть и куча всяких приложений...

- А в этом нет что ли!? – Сергей дернул подбородком в сторону лежащей передо мною на столе серебристой «раскладушки». – Такой же фирмы купил?

- Да, мне нравятся ее телефоны! – кивнул я, прочитав сообщение рассылки, удалил его и завертел новым телефоном в руке. – Тот здоровый тяжелый, а этот маленький, аккумуляторный. Что-то устал я от этого «кирпича», решил маленький купить! А у этих телефонов меню понятное, мне очень удобное, я в остальных тыкал, не такое удобное... а в этом, не, ни хера нету! Он какой-то левый, как я понял, половина функций нет, и видео не пишет, только фото, а в этом и видео есть...

- Да, удобные телефоны у этой фирмы! – кивнул Сергей, полез рукой в кошелек на поясе и выудил оттуда свой, задрыгал нервно ногой. – У Верка хороший телефон, хоть и давно покупал его, но хороший, а этот...

Сергей нервно затыкал пальцем по кнопкам своего мобильного, насупил:

- Меню дурацкое какое-то, постоянно путаюсь, и настройки пока найдешь... тоже какой-то не очень удобный телефон, надо было тот покупать, другой... подороже который был... а твой сколько стоит?

- Семь шестьсот, - сказал я. – Да там и получше и подороже были, но я как-то не стал уж тратиться сильно, зачем? Бред. Взял такой, чтоб и нравился, и все функции были и относительно недорогой был. Че, телефон до десятки, в принципе, нормально! Можно такие деньги за него отдать. Дороже, уже тупо переплата и все, нет смысла, одни понты!

- Да, неудобный телефон... - вздохнул Сергей, потыкав еще по кнопкам и сунув свой мобильник обратно в кошелек на поясе. – Надо будет другой купить себе...

- Зачем!?! – уставилась на мужа Вера глазами полными недоумения, перестав печатать на клавиатуре.

- Вер, затем!! – рявкнул Сергей. – Не ты же с ним мучаешься!?! Ну, такой вот он кривой! Что, мне теперь с ним всю жизнь ходить!?!

- Ой! – отмахнулась та, покрывшись тут же краской на щеках и уткнувшись обратно в монитор. – Делай, что хочешь!

- Вот я и делаю! – отрезал Сергей, скрестив руки на груди и шумно задышав раздувшимися от негодования ноздрями.

Его жена нервно застучала по клавиатуре. Возникла напряженная пауза.

- Вер, а заказ же еще по парфюмерии так и не делали, да? – сказал я.

- Нет, Ром, не делали, - сдержанно произнесла та, не отрывая взгляда от монитора и заметно сдерживая себя в эмоциях.

- Серый, ну че, может сделаем заказ пока? – перевел взгляд я на напарника.

- Да, давай, сделаем! – встрепенулся тот, всплеснув руками.

- Вер, ну, распечатай нам остатки по парфюмерии... - сказал я.

- Щас, Ром, - почти взяла себя в руки Вера, запорхала пальцами по клавиатуре, принтер ожил, засвистел и выдал лист.

- И все!?! – удивился я, уставившись в него. – О, да у нас вообще почти ничего нет!

- Уже две недели нет... - вставила тихо Вера.

- Серый, ну, садись сюда, рисуй заказ! – встал я, освобождая кресло за столом. – Ты в этом больше соображаешь, а потом вместе его утрясем...

Следующие полчаса ушли на составление заказа.

- Ну на, посмотри еще раз своим взглядом! – протянул Сергей исписанный лист мне, едва мы закончили обсуждать заказ.

- Да вроде нормально... - пожал плечами я. – Сколько тут по деньгам, давай, теперь посчитаем.

- Триста двадцать тысяч! – едва подбив на калькуляторе итог, вытаращился на меня удивленно Сергей, скривив губы вниз.

- Неплохо так, - кивнул я, впечатлившись и сам.

- И что, будем заказывать!?! – сильнее удивился Сергей, глядя на меня растерянно.

- Ну да, а че? – удивился я в свою очередь.

- Не, ну, не многовато? – с сомнением сказал Сергей.

- А почему многовато, если мы посчитали, прикинули и нам столько нужно?

- Может, поменьше заказать? А то сумма большая вышла... - взял в руки лист с заказом Сергей, и тот затрясся в них, как на ветру.

- А какая разница, какая сумма? – не понимал я смысла слов напарника. – Нам же нужен товар, спрос есть, мы прикинули и сделали заказ. Мы же лишнего не заказали!?

- Ну... - произнес Сергей, принявшись жевать нижнюю губу, взяв ее пальцами одной руки снизу и начав нервно мять.

- Да что «ну»!? – чуть завелся я, испытывая ощущение, будто завяз в диалоге, как муха в липком варенье, получая на каждую свою четкую фразу размытую субстанцию ответа. – Раз товар нам нужен, то надо его заказывать в том количестве, в каком продается! Че тут непонятного!?

Сергей продолжал мять губу, сжимая ее пальцами с боков. Отчего губа то выпячивалась серединой неприятно вверх, то проваливалась вниз меж пальцев.

- Зачем мы будем заказывать меньше!? Привезем товар, раскидаем по базам и все, снова пустой склад!? Нужен же товарный запас хотя бы еще на недельку! Вот мы и прикинули объем на две недели. Как раз и отсрочка у нас в две недели. Мы к концу второй уже и деньги с первой недели получим...

Губа Сергея, словно толстая жирная гусеница извивалась меж пальцев, выгнулась максимально вверх и замерла. Я поморщился, скривился и непроизвольно выдал:

- Блять, Серый, че ты с губами делаешь!?!?

Напарник, словно вернувшись из анабиоза задумчивости, встрепенулся, смутился и убрал руки ото рта. Толстые губы обмякли и обиженно выпячено повисли на лице.

- Ну да... - произнес Сергей.

- Поэтому, я думаю, надо заказывать столько, сколько надо! – с усилием нашел я прерванную мысль и закончил.

- Да, Роман! – выдохнул облегченно и будто чуть обиженно Сергей. – Хорошо! Так и закажем... Вер, на, отправь заказ...

Он протянул лист жене, тот снова лихорадочно затрясся в его руке. Вера взяла лист и принялась его изучать, тут же закликав мышкой. Сергей в молчаливой задумчивости принялся крутить в руках авторучку, то снимая, то надевая ее колпачок. Шмыгнул носом. Пару минут в комнате было тихо.

- То есть ты думаешь, денег у нас хватит и мы, если че, сможем оплатить этот заказ? – посмотрел вдруг Сергей на меня.

- А че тут думать то!? – удивился вновь я. – Это простая арифметика! Мы же знаем скорость продаж, заказали товар ровно на две недели, он за это время и уйдет!

- А если не уйдет, ну, скажем, уйдет за три!? – пытал меня своими сомнениями напарник. Я начал вновь злиться, преодолевая липкость его непонятно откуда взявшейся нерешительности.

- Ну, уйдет за три, так за три! Блять, какая разница!? – выпалил я.

- Ну, не скажи... - протянул Сергей, словно нащупал для жижи своих убеждений островок твердой почвы. – Деньги придется отдавать, а товар еще не продан!

- Ну, у нас есть деньги! Мы же зарабатываем! Отдадим с заработанных, че за проблема!? – злился я.

- То есть, ты думаешь, что у нас сейчас достаточно денег? – снова принялся жевать губу Сергей.

- Я не думаю, я знаю!! – подался я вперед, не сдержав повышение голоса.

- Ааа... знаешь... - Сергей закивал головой. – А откуда ты знаешь!?

- Серый! – я вытаращился на напарника, смотря на того как на кретина, абсолютно сбитый с толку его, то ли игрой, то ли всерьез произносимыми фразами. – Я отчеты смотри! Вера же нам каждый месяц печатает отчеты, ты же в курсе!?

Я уставился на Сергея немигающим пристальным взглядом.

- Ну, - произнес тот.

- Ну, вот тебе и «ну»! Ты же их смотришь или нет!? – сверлил я Сергея взглядом.

- Ну... – снова произнес тот, будто двигаясь в разговоре вперед осторожной ощупью. – Ну, смотрю...

- А чего ж тогда спрашиваешь, есть ли у нас деньги на эту закупку или нет!? Там все написано! Надо знать финансовое состояние своей фирмы!

Сергей смотрел несколько секунд на меня молча, о чем-то думая, затем встрепенулся и произнес всего лишь «ну, понятно...» и шумно выдохнул.

В дверь постучали.

- Да!!! – выкрикнули все трое, словно рефлекторно уцепились за возможность спасения из паузы неловкого диалога.

Дверь открылась, внутрь вошел экспедитор «Оптторга».

- О! Какие люди! Алексей Семеныч! – среагировал я искренне.

- Здоров! – сунул мне свою жилистую руку тот и крепко пожал мою, оглядел остальных. – Здоров, Сереж! Привет, Вер! Привез вам товар... Сенька на складе!?

- Ну, если тут нет, то на складе! – сказал Сергей, протянул руку вперед. – А че ты там привез, Алексей Семеныч?

Экспедитор протянул Сергею накладные, тот несколько секунд их изучал, произнес «mmm», вернул обратно, произнес:

- Ну, едь, разгружайся! А че так поздно то!? Мы тебя еще вчера ждали!

Алексей Семенович, выйдя уже наполовину в коридор, услышав вопрос, вернулся рывком обратно и замахал руками: «Да эти... бабы!! Я им сказал, что с утра надо грузиться мне, вчера еще, а они накладные не сделали с вечера, я пришел, а они сидят, жопы поотрастили... прраститутки чертовы!!! Ой, прости, Вер!»

Мы все трое засмеялись, хотя и слышали подобное от Алексея Семеновича не единожды, но каждый раз он вызывал своими эмоциями искреннее веселье.

- Иди, Алексей Семеныч, разгружайся, - качая головой, сказал Сергей. – Иди!

Тот, стрельнув своими цепкими глазками по нам напоследок, убедившись в произведенном эффекте, лукаво улыбнулся, поправил кепку и вышел в коридор.

- Блин, ну, Алексей Семенович! – улыбнулась Вера и прыснула тихим смешком.

- Веселый дядя! – кивнул я, хмыкнув смешком.

- Да он всегда был таким! – махнул рукой Сергей, улыбаясь вместе со всеми. – Я его сколько помню по «Саше», вечно ругается...

- А он давно работает в «Оптторге»? – спросил я.

- Да я и не знаю... - растерялся на секунду Сергей. – Я когда пришел в «Сашу», он уже работал... давно, очень давно.

Незаметно наступило время обеда. Мы сели с Сергеем в «мазду», съездили в поселок на рынок и вернулись. Купили вареной колбасы, хлеба. Наделали бутербродов, чайник закипел и выключился – мы принялись обедать.

- Роман, а ты сколько тогда денег отдал за кафе на свой день рождения? – спросил Сергей, покончив с едой и уже попивая чай с маленьким кусочком рафинада вприкуску.

- Тыщ пять, по-моему! – сказал я, чуть покопавшись в памяти. – А че?

- Да у меня ж день рождения скоро... - сказал Сергей, надкусил чуть сахар и с хлюпаньем отхлебнул горячий чай из кружки.

- Ого! Я и не знал, а когда!? – ответил я тем же, отхлебнул чаю.

- Первого декабря... – сделал глоток Сергей снова.

- И сколько ж тебе...? – слово «исполнится» потонуло в моем чае.

- Тридцать три... - грызнул сахар Сергей. – Возраст Христа...
Напарник захлюпал чаем.

- О! Да! Возраст красивый... - вгрызся и я в свой кусочек сахара.

- В субботу отмечать буду... - Сергей назвал кафе. – Знаешь?

- Не... а, да! Знаю! Это в центре около стадиона...

- Аха, да, там... На шесть вечера я заказал большой отдельный стол там наверху... там же два этажа как бы... был там!?

- Не, не был... а кто будет еще?

- Ты, брат мой Ромка... - Сергей откинулся в кресле, вздохнул, начал загибать пальцы. – Вера, Мелёха с Дашкой, Федот с женой и Витька Бутенко с женой, итого без меня – девять человек!

- Ну, нормально, Ромку твоего я знаю, Мелёху тоже, так что будет с кем поговорить, - кивнул я.

- Ну да, - кивнул Сергей, - с остальными там познакомишься, это мои давние друзья. У Федота свой молочный завод. Прикинь, отсидел пять лет, вышел и купил сразу молочный завод!

- Ого! – хмыкнул я, задрал брови кверху. – Нормальный такой способ заработка!

- Аха! – гоготнул напарник. – А Витька, он китайскими автомобилями занимается, продает их тут у нас в городе. Кто их покупает, не знаю. Машины – жесьть, все сыпятся, ломаются, такое гамно... как он умудряется их продавать – не знаю!

- Ну, вообще, он правильно делает! – обдумал слова напарника я. – Мы с батей тоже сначала брались продавать все подряд, лишь бы товар давали... да, говно, но деньги то заработать можно! Я думаю, Витька твой примерно тем же и занимается.

- Ну, вообще-то да! – закивал Сергей, жевнув уголки губ.

- Тем более, это сейчас китайские машины – говно, а лет через пять, они научатся их собирать, качество вырастет, а у Витьки уже, хоп, и есть своя контора по продажам китайских авто! И бизнес поперет!

Сергей промолчал, слушал, внимательно смотря на меня.

- У корейцев же то же самое было... - продолжал я. – Первые машины были ужасные, а сейчас уже ничего, вполне нормальные, их охотно покупают! А раньше говорили «фу, корейские, да это же говно!»

- Ну да, - буркнул Сергей.

- Сейчас китайские «фу, говно!» А через пять лет будут уже и ничего...

Я замолк. Сергей ничего не ответил, смотрел на меня пристально по инерции еще несколько секунд, после задрогал коленкой, торчащей наружу из-под стола, перевел взгляд на свои руки, беспокойно крутящие авторучку, тяжело вздохнул.